

Научная статья

УДК 070.4

doi: 10.17223/23062061/32/5

«ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ»: КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ – ОЧЕРКИСТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Елена Владимировна Перевалова¹

¹ *Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются путевые очерки К.К. Случевского, написанные по следам инспекционных поездок великого князя Владимира Александровича в 1880-е гг. по северо-западу России, опубликованные в авторитетной газете «Московские ведомости». Рассматриваются тематические и жанровые особенности очерков. Выявлено, что участию Случевского в издании способствовала близость его взглядов на проблемы русского северо-запада с издателем-редактором – влиятельным журналистом М.Н. Катковым.

Ключевые слова: К.К. Случевский, путевые очерки, «Московские ведомости»

Для цитирования: Перевалова Е.В. «Летописец великокняжеских путешествий»: Константин Случевский – публицист (по материалам газеты «Московские ведомости») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 82–97. doi: 10.17223/23062061/32/5

Original article

A “CHRONICLER OF GRAND DUKE’S TRAVELS”: KONSTANTIN SLUCHEVSKY THE ESSAYIST (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER *MOSKOVSKIE VEDOMOSTI*)

Elena V. Perevalova¹

¹ *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the travel essays of the writer Konstantin Sluchevsky, published in the authoritative conservative newspaper *Moskovskie Vedomosti* in 1885–1886. As an official of the Ministry of State Property, in the 1880s, Sluchevsky accompanied the commander of the St. Petersburg Military District,

Grand Duke Vladimir Alexandrovich, on his inspection trips to the European north of Russia, its western and Baltic provinces. Sluchevsky's duties included the compilation of reports on the Grand Duke's journey, recording in them of almost every step of the high-ranking traveler and their further publication in periodicals. Despite the official nature of the publications, the materials prepared by Sluchevsky were artistic and documentary essays reflecting the life, customs and traditions of the local population, the development of industry and crafts, climatic and geographical features, history, hydrography and geology of the northwest of Russia. The article analyzes the thematic, genre and structural features of Sluchevsky's essays. The features of his texts are: dynamic storytelling, entertaining presentation, emotionality, a pronounced "presence effect", a problematic approach to what was seen. Sluchevsky raised the issue of an inefficient use of the vast natural resources of the Russian northwest, pointed to the lack of support for national industry and local crafts from the state, paid considerable attention to the national question in the Baltic provinces, cited facts of discrimination of the local Orthodox Russian-speaking population by the German administration of the region. Sluchevsky's views on the problems of the Russian northwest were close to those of the influential conservative journalist Mikhail Katkov, the publisher-editor of *Moskovskie Vedomosti*, which contributed to Sluchevsky's publishing his essays in the newspaper. In conclusion, the article emphasizes that these essays are still of undoubted interest from a geographical, ethnographic and cultural point of view, and can serve as a valuable source of information for researchers of the history of the northwestern region.

Keywords: Konstantin Sluchevsky, travel essays, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, *Moskovskie Vedomosti*, Mikhail Katkov, northwest of Russia

For citation: Perevalova, E.V. (2023) A "chronicler of Grand Duke's travels": Konstantin Sluchevsky the essayist (based on the materials of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 82–97. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/5

Творчество поэта, драматурга и переводчика Константина Константиновича Случевского (1837–1904) в последние годы все чаще привлекает к себе внимание исследователей. В работах А.Ю. Козыревой, Л.А. Смирновой, В.Г. Гавриловой, О.А. Грачевой, Е.В. Кузнецовой, Г.В. Поляковой и других ученых рассматриваются характерные особенности его поэтического творчества, своеобразие используемых им образных конструкций, стилевая специфика, средства художественной выразительности и т.п. [1–7]. Гораздо меньше внимания уделяется наследию Случевского-публициста, хотя им были изданы весьма объемные книги очерков «По северу России» (Санкт-Петербург, 1888) и «По северо-западу России» (Санкт-Петербург, 1897). Основу этих книг составили материалы, собранные Случевским в нескольких поездках по западным и северным губерниям России в 1880-е гг. Как чиновник Министерства государственных имуществ, он сопровождал командующего

Петербургским военным округом великого князя Владимира Александровича в его инспекционных поездках по европейскому северу России, ее западным и прибалтийским губерниям. В обязанности Случевского входило составление отчетов о путешествии великого князя, фиксирование в них едва ли не каждого шага высокопоставленного путешественника, а затем публикация этих отчетов в печати, в первую очередь в «Правительственном вестнике», т.е. выполнение задач, которые сегодня назвали бы «функционалом пресс-секретаря».

В настоящей статье рассматриваются очерки Случевского в газете «Московские ведомости», написанные по следам поездок великого князя в 1884–1887 гг. В отличие от изданных несколькими годами позднее книг, содержание которых при подготовке к печати подвергалось редакторской и литературной правке, текст публикаций в «Московских ведомостях» являлся непосредственным откликом на увиденное и отражал впечатления и наблюдения, оперативно сделанные писателем во время путешествий в свите великого князя. В «Московских ведомостях» было опубликовано три цикла очерков: первый – летом 1884 г. – о поездке великого князя по Прионежью и Приладожью, второй, публиковавшийся в течение почти всего 1885 г., – об экспедиции на клипере «Забияка» по Белому и Баренцеву морям и, наконец, в 1886 г. – о длительной, продолжавшейся почти два года поездке великого князя на пароход-фрегате «Олаф» по военным округам Прибалтийского края.

Будучи официальным «летописцем» великокняжеских путешествий, Случевский, конечно, не мог избежать «протокольной информации»: он уделяет большое внимание описаниям торжественных богослужений, обедов, данных в честь титулованного гостя, посещенных им выставок, театральных постановок и т.п. Не обошлось и без обязательных в подобных случаях упоминаний о «безграничной преданности государю» местного населения, о «беззаветной любви, которая всегда отличала русского человека и служила и будет служить живой связью между престолом и народом» [8], о восторженных криках «Ура», которыми жители встречали августейшего путешественника, и т.п. Значительное место в очерках отводится и главной цели поездки – проверке результатов военных реформ 1870-х гг., надежности северо-западных границ Российской империи. Но подготовленные Случевским для «Московских ведомостей» очерки менее всего были похожи на сухие отчеты и казенные протоколы. Мастерски написанные, насыщенные самыми разнообразными подробностями и местным колоритом, они и сегодня представляют несомненный географический, этнографический и культурологический интерес.

При чтении очерков возникает ощущение, что их главный герой – не великий князь Владимир Александрович, а жители Русского Севера – настолько ярко и колоритно автор пишет об их мужестве, отваге, беззаветной смелости и выносливости. Он искренно восхищается их характерами, сформировавшимися в вечной борьбе с суровой местной природой, когда даже «трехлетний мальчик уже орудует веслом» [9], а женщины-северянки способны заменить отправляющихся на несколько месяцев на промысел мужчин и даже «отваживаются выходить в открытое море» [10].

В рассказе автора о жителях побережья Белого моря, где даже «дитя еще в люльке готовится быть моряком, не знающим страха и вскормленным неприветливым морем, так как матери-кормилицы берут с собою ребяток в лодки и укладывают спать на носу или на корме» [10], звучит нескрываемое уважение к русскому человеку, умеющему выживать в суровых условиях северного климата. Публицист подробно описывает нравы местных жителей, их обычаи, быт и традиции, местную промышленность и промыслы, климатические и географические особенности, историю, гидрографию, геологию северо-запада России и т.п., тогда как имя великого князя нередко упоминает в очередной главке очерков всего лишь один-два раза – и словно бы «мимоходом», лишь как «дань жанру» официального отчета. Да и сам образ Владимира Александровича – младшего брата императора Александра III рисуется Случевским весьма неформально, без излишней парадности, пафосности и помпезности.

Князь, хотя и именуется чаще всего «августейшим путешественником», предстает в очерках не столько как государственный деятель, один из самых близких к императору лиц, сколько как рядовой морской офицер, непритязательный и неприхотливый в быту, делящий со своими спутниками все тяготы и лишения похода. Изредка публицист настолько «забывается», что называет князя и сопровождающую его свиту в обход всех канонов просто «путниками». Все они – и князь, и его окружение – в равной степени вынуждены терпеть и суровый северный климат, и жестокую непогоду в Баренцевом море, и несметные полчища насекомых. Последние, по словам Случевского, одолевали путешественников «с возмутительнейшею настойчивостью» [11], и если в закрытых помещениях с «гнусом» можно было бороться, поджигая на блюдах «чудотворный персидский порошок», то в дороге единственным средством избавления от него становились ветки деревьев, что дало повод публицисту сравнить свиту князя с «двигающимся лесом» в шекспировском «Макбете»: «Мы окружили себя ими (ветками. – Е.П.), – пишет Случев-

ский, – понасовав куда только было возможно, во все отверстия экипажей, и не останавливаясь ни одной минуты в отмахиваниях» [8]. Подобные характеристики не только «оживляли» текст очерков, добавляя в них элемент юмора и самоиронии, но и «сокращали дистанцию» между читателями газеты и великим князем, наделяли образ последнего чертами «обыкновенного человека» и тем самым делали его более близким и доступным. Однако при этом Случевский никогда не забывал подчеркнуть профессионализм Владимира Александровича – кадрового военного и опытного администратора, его начитанность и эрудицию, искренний интерес к истории, искусству и культуре местного населения, его заинтересованность в увиденном, внимание к проблемам посещаемых территорий и их жителей. К примеру, при описании посещения поселка Петровский Ям в Олонецкой губернии – места, связанного с пребыванием здесь летом 1702 г. Петра I, публицист словно бы вскользь упоминает, что в разговоре о первом императоре России, «Его Высочество... знал лучше и полнее нас литературу о Петре, включительно до самых первоначальных источников, рассыпанных в русских и иностранных исторических журналах», и его рассказы «были так разнообразны и богаты по содержанию, что должны быть несомненно отнесены к самым характерным воспоминаниям нашего далекого путешествия» [11]. Подобные комментарии автора очерков позволяли князю в глазах читателей всегда оставаться «первым среди равных».

Публикуемые из номера в номер на протяжении нескольких месяцев очерки Случевского формировали у аудитории газеты «эффект ожидания» и создавали иллюзию совместного путешествия. Вместе с автором читатели словно бы сопровождали князя в его экспедиции, останавливались на Соловецких островах и в Олонецком крае, прогуливались по Петрозаводску, Шлиссельбургу и Новой Ладоге, окрестностям у водопада Кивач в Карелии, отдавали дань памяти А.С. Пушкину в Святогорском монастыре, посещали дом поэта в Михайловском, село Холмогоры – родину М.В. Ломоносова, столицу Русского Севера – Архангельск, древние Выборг и Псков, элегантную Ригу, по-европейски чинные и опрятные Вейсенштейн, Ревель, Митаву, Либаву...

Каждый раз, приступая к рассказу о прибытии князя в тот или иной город или поселок, Случевский сообщает данные о численности его жителей, их занятиях, национальной и религиозной принадлежности, о состоянии местной промышленности и промыслов, приводит множество разного рода статистических сведений. Обращает на себя внимание большое количество цифр: к примеру, в заключении очерка о посещении Ревеля публицист для подтверждения доходности Ревельского пор-

та почти в телеграфном стиле указывает точное число судов, заходивших в него в течение последних трех лет: «Иностранных 535, каботажных – 1053, прибрежного плавания 645. Привозилось товаров на сумму 60.310.000 руб. Вывозилось на 17.491.000 руб. Пошлины получалось золотом 4.627 руб., причем стоимость содержания таможни 81.000 руб.» [12]. Однако такое обилие статистических и документальных данных отнюдь не портит очерки, не превращает их в сухие официальные отчеты. Цифры органично сочетаются в них с художественными описаниями, пейзажными зарисовками, портретными характеристиками, легендами, местным фольклором и лирическим «Я» самого автора.

К примеру, рассказывая о посещении великим князем древнего Выборга, Случевский подробно останавливается на истории города, основание которому было положено еще в конце XIII в., упоминает о неоднократных попытках русских войск взять город приступом, цитирует летописи и другие исторические источники, обильно уснащая свой рассказ не только цифрами, датами, именами шведских и русских военачальников, но и местными легендами, сказаниями, песнями. Публицист пересказывает историю знаменитого Казак-камня – места, где, по преданию, погиб казак, заслонивший Петра I от летевшего прямо на императора шведского ядра, историю источника в парке Монрепо, названного по имени нимфы Сильмии (по-фински *Сильми* означает «глаза». – *Е.П.*), которая вызвала здесь из земли ключ, чтобы возвратить зрение исплакавшемуся из-за любви к ней пастушку, и т.п. [13]. В лирических пейзажных зарисовках узнается стиль Случевского-поэта. Очарованный скромными, неброскими красками русской северной природы, он то сравнивает «разлитые поутру в небесах розовые туманы и розовые отливы сосновых лесов за голубоватым очертаниями просыпавшегося озера» [14] с «разметавшимися золотистыми кудрями скромной красавицы» [14], то поэтически описывает короткие северные ночи: «Ночь была удивительная, светлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная, лежала она в хрустальной ясности своей над почивающим Петровским ямом, красны рубахи паромщиков, синь воды, глубокая, бархатная зелень леса, фырканье усталых лошадей, легкий скрип каната на пароме, бесконечная прозрачность зеленоватого неба, чириканье какой-то бессонной птички, все это было стройно и гармонично» [11].

Характерный для путевых очерков свободный и непринужденный характер изложения мыслей позволял Случевскому свободно выстраивать свое повествование, переходить от одной темы к другой, перемежать рассказ о путевых впечатлениях с собственными раздумьями и переживаниями, чередовать описания природы с дорожными

происшествиями, бытовые сцены – с фактами из истории, географии, этнографии и т.д. Ни одна любопытная подробность не ускользала от его наблюдательного взгляда, ни одна оригинальная черта местного быта не оставалась без внимания. Публицист находил место и для обстоятельного рассказа о китобойном и рыболовном промысле на Мурмане (в XIX в. Мурманом называли Кольский полуостров. – Е.П.), и для описаний красочных нарядов северянок, и для характеристики местных способов охоты на медведей, и даже для небольшого рассказа о смельчаке-воробушке, каким-то чудом залетевшем на палубу «Забияки», находившегося от берега на расстоянии более чем сорока верст... Из очерков Случевского читатели могли узнать, почему Балтийский порт в обиходе называется Апельсиновым портом, откуда произошло название «Мурман», что означают те или иные морские термины, как движутся по морю стаи чаек, как киты дерутся с касатками, как финны на удочку ловят лосося и хариуса, почему символом братства черноголовых в Риге и Ревеле стала голова Святого Маврикия и т.п.

Особую привлекательность очеркам придавали такие черты, как динамизм, а нередко и напряженность повествования, занимательность изложения, эмоциональность, зачастую – ярко выраженный «эффект присутствия», благодаря которому читатели становились очевидцами и «соучастниками» описываемых событий и явлений, свидетелями увлекательных происшествий, наблюдателями нравов, быта, традиций и т.п. В качестве примера приведем очень живое и непосредственное описание ловли рыбы великим князем на реке Вуоксе: «Очень интересно было наблюдать со стороны, как вызывалось на берегу сочувствие к судьбам ловли. В полусвете ночи можно было видеть очень четко, как гнулось черное над водой удилище той лодочки, наживка которой, местная салакушка, приманила лосоську. Попадшая на наживку лососька еще не поймана, это только начало лова; рыбу надо утомить, прежде чем подвести к берегу и тут начинает поскрипывать колесико под лесой, то выпускаемую, то сокращаемую. Лодка движется к берегу, и ловец чувствует в руке, как слабеет рыба; наконец, лодка близка, подгоняемая отчасти течением и притягиваемая лесой подведена и рыба, и тут-то с удивительной ловкостью хватают ее острым ручным крючком и вытаскивают на гранит. Следует убийство ее пестом по голове, причем здесь, по обычаю, при каждом ударе местный человек приговаривает по-фински: “Здравствуй! Здравствуй!”. <...> Вся гранитная пристань была полна изображений лососек, пойманных в Харраке. Те, что достались в этот вечер, согласно правилу, были тотчас же, но только на особом, почетном месте, положены на помост, очертания их обведены черною краской и

написано имя ловца, год и число. Этих молчаливых рыбьих портретов с открытыми ртами, вдоль гранитной пристани уже очень много, и впечатление, производимое этою портретною галерей, довольно оригинально» [15].

Язык и стиль Случевского-очеркиста – весьма эмоциональный, хотя при этом автор отнюдь не впадает в патетику и чрезмерную пафосность. Нередко в его текстах можно встретить целую череду восклицаний, риторических вопросов, задавая которые публицист словно бы приобщает читателей газеты к своим размышлениям об увиденном. Так, рассказывая о транспортной системе северо-запада и указывая на необходимость строительства железных дорог в этом регионе, Случевский горячо вопрошает: «И все это создано и живет без крупной субсидии правительства: следовательно, это нужда, это насущная правда, это сила. Что же будет, когда так или иначе присоединятся к этим путям бассейны Сибири? Что будет, если вложить душу в северное поморье и воскресить заглохшую там жизнь? <...> все государственное тело наше в хозяйственно-экономическом отношении “подвешено к рельсам Николаевской дороги”. А оборвись они?.. И разве не поэтому сказываются у нас по Волге завалы товаров? А что будет при включении сибирских путей? А что будет, если почему-либо закроется Балтийское море или сгорит хотя один из шлюзов Мариинской системы?» [16]. Взволнованность Случевского, его искреннее чувство обеспокоенности за судьбы северных и западных окраинных территорий Российской империи и населяющих их жителей передавалось и читателю, который невольно начинал сопереживать рассказанному.

Чувство национальной гордости и патриотизм истинно русского человека ощутимо заметны едва ли не в каждом эпизоде очерков Случевского. Вот как, к примеру, он пишет о М.В. Ломоносове, характеризуя в нескольких строчках причудливую судьбу великого русского ученого: «Бурливы как волны Северного моря были судьбы Ломоносова; по образцу прибрежных скал, окаймляющих Мурман, сложились его мощные, упрямые воззрения; мальчишка-помор, еще подростком побывал он и в расколе <...>; Марбург, Фрейберг, женитьба на немке, бегство от долгов, Шувалов, дружба с ним, академия, преувеличенные буйства и его неприятные последствия, дело мести всяких ничтожностей вроде профессоров Винцгейма и Трускотта и рядом с этим серьезнейшие научные работы, исследования, ученые записки, оды, множество самых последовательных усилий и трудов по всем отраслям знаний и, наконец, начало русской литературы... не правда ли, как это мало для крепыша-помора в недолгую, едва только полвека длившуюся жизнь?! Ломоносов несомненно самый северный, самый по-

лярный из всех гениальных крепышей, из всех талантов мира, и он наш, он русский, родился в соседстве Холмогор» [17].

Занимательности изложения, доступности восприятия, яркости языка и стиля в очерках Случевского всегда сопутствовал проблемный подход к увиденному. Если воспользоваться современной теорией жанров, то в них наглядно-образные элементы сочетаются с исследовательским, аналитическим началом. Едва ли не в каждой главке очерков, наряду с описаниями событий, встреч, дорожных происшествий и т.п., встречаются авторские размышления, комментарии и оценки.

Так, рассказывая о поездке по беломорскому побережью, публицист по-хозяйски обстоятельно знакомил читателей с занятиями поморов, в первую очередь – рыболовством и китобойным промыслом, подробно описывал их нелегкий труд, устройство рыболовецких факторий и становищ. Случевский скрупулезно сообщал точные данные: каков годовой улов трески, камбалы, палтуса и других промысловых рыб, каковы их гастрономические характеристики, приводил цены на рыбу на архангельской ярмарке, называл объемы добычи соли на Мурмане и количество соли, ввозимой из-за рубежа... И тут же задавался вопросом: почему огромные рыбные богатства северных морей («поморы говорят о таких гуцах сельди в море, что от поры до времени грести бывает трудно» [18]) «гибнут безвозвратно», а русские промышленники терпят огромные убытки?

Главная причина столь печального положения дел состоит, по мнению, публициста, в отсутствии эффективных технологий лова, в недостатке и дороговизне соли, большая часть которой ввозилась из-за границы. Случевский с горечью констатирует, что отечественным промышленникам приходится за бесценок продавать выловленную ими беломорскую рыбу иностранным предпринимателям, тогда как отечественный потребитель пренебрегает российским продуктом. «Сельдь это один из продуктов, не имеющих у нас и миллионной доли того значения, которое она должна бы иметь, – пишет Случевский о промысле беломорской сельди на Мурмане. – Кто ел местную сельдь, крупную, жирную, пускающую из себя масло при разрезывании на тарелке, тот поражается тем, что в столицах наших до сих пор еще имеются в продаже сельди голландские, королевские. Дождутся ли ее наши столичные гастрономы? Ящик с сельдями, свежепросольными, соловецкими, прибывает в Петербург сильно попорченным, и о дальнейшем пути ее по России не может быть и речи. Солят ее, складывая в кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая лопатой. Можно ли ожидать хорошего продукта?» [18]. Неэффективное использование огромных природных бо-

гатств северо-запада России, отсутствие поддержки национальной промышленности и промыслов со стороны государства – об этом публицист говорит в очерках не единожды.

Так, подробный рассказ о добыче снетка (*снеток* – вид рыб, мелкая озерная форма европейской корюшки. – *Е.П.*) в Псковском озере он завершает горькими и безотрадными размышлениями: «Удивительны сходны у нас судьбы рыбных промыслов на далеком Мурмане и на ближнем Псковском озере, с тою только разницей, что там не хотят уметь обращаться с сельдью и треской, а здесь со снетком. Богатство там и тут одинаково, народонаселение прирождено к промыслам, <...> сбыт обеспечен, продукт хорош, но приготовление плохо, и первобытная лопата орудует в кучах живого материала, доставленного на берег там – океаном, здесь – озером. <...> ...экономия на дровах вызывает то, что его не сушат, а только провяливают, и снеток доходит к рынкам в виде какого-то мусора; этой же сыростью пользуются для увеличения веса. Какое удивительное сходство с приготовлением мурманской трески, в которой для увеличения веса оставляют хребетный столб, обуславливающий ее гниение и убийственный запах» [9].

В очерках приводится немало примеров бездумного уничтожения весьма ценных в промышленном отношении «отходов производства»: это и бессмысленный сброс в море внутренностей трески, туш белуг, акул и даже китов, и брошенный на месте вырубки «недомерный лес», и огромное количество древесины, остающейся после изготовления досок из бревен (на экспорт шли лишь готовые доски), и изжелта-белые горы опилок, которые «бессовестным образом сжигаются, чтобы не занимать места» [19]. «Мало, подумаешь, места в России? – с возмущением и горечью пишет публицист. – Из них можно было бы добывать и уксусную кислоту, и соду, и делать древесную массу, но, говорят, устройство завода слишком дорого, жечь, несомненно дешевле. И мы видели, как за заводом дымком улетучивались значительные капиталы нашей богатой капиталами России» [19].

Хозяйский, государственный подход в очерках Случевского к проблемам русского северо-запада, заявленная в них идея развития отечественного производства и промыслов, без сомнения, не могли не приветствоваться в «Московских ведомостях», редактор-издатель которых – авторитетный публицист М.Н. Катков – в 1880-е гг. был убежденным сторонником протекционистской экономической политики и в многочисленных передовых статьях энергично отстаивал интересы национального производства. «Московский громовержец», как называли Каткова, неустанно указывал на приоритетность развития отечественного

производства, убеждал правительство оказывать первоочередную поддержку российским производителям, писал о фактах хищнического разграбления природных богатств русского европейского севера иностранными предпринимателями, подчеркивая, какой вред экономике региона наносят отсутствие обрабатывающего производства и «недостаток обеспеченного сбыта» [20]. «Московские ведомости» системно проводили мысль о недопустимости «вывоза за рубеж дешевого русского сырья, которое затем, переработанное на предприятиях Западной Европы, вновь возвращается в Россию, но уже в виде готовой продукции, стоимость которой значительно превышает стоимость исходного продукта» [21]. «Иностранцы привозят к нам, не говоря уже об изделиях фабричных, заводских и ремесленных, продукты, подвергшиеся значительной переработке, плата за которую достается иностранному рабочему. Мы же, отправляя наши товары в сыром виде, лишаем наш трудящийся люд значительной заработной платы за обработку этих продуктов и тем сокращаем денежные средства народа» [22], — под каждым из этих выступлений Каткова наверняка мог бы подписаться и Случевский.

Общность взглядов двух публицистов обнаруживается и в третьем цикле очерков, где описывается поездка великого князя по Прибалтийским губерниям. Эти земли, присоединенные к России лишь в XVIII в., пользовались значительной автономией и находились под сильным немецким влиянием. Более восьмидесяти процентов их населения составляли коренные жители — латыши и эсты, среди которых преобладали крестьяне-хозяева, сельские батраки, низшие классы горожан, тогда как господствующее положение занимали остзейские немцы — потомки рыцарей, завоевавших эти территории в XIII в., а также переселенцы из Голландии, Фландрии, Дании, Швеции. Поэтому преподавание в школах и высших учебных заведениях, делопроизводство в административных учреждениях велось на немецком языке, который имел статус официального. На немецком языке издавалась также большая часть местной периодики. Катков, будучи активным поборником русификации прибалтийских территорий, на страницах «Московских ведомостей» с возмущением писал об «онемечивании» края, требовал шире использовать русский язык и языки коренных народов в образовании, религиозных отправлениях и местном делопроизводстве, активно дискутируя по этому вопросу с прибалтийскими немецкоязычными изданиями — «Рижской газетой», «Ревельской газетой» и др. В полемике публицист нередко весьма резко высказывался в адрес остзейского дворянства, подчеркивая опасность, которая грозит государственной целостности

России в связи с распространением среди прибалтийской господствующей верхушки сепаратистских настроений.

Можно предположить, что Случевский искренне разделял эти опасения редактора-издателя «Московских ведомостей»: в своих очерках он с плохо скрываемым раздражением по адресу прибалтийского дворянства приводил факты, свидетельствующие о его «обособленности» и стремлении к независимости от России, многочисленные случаи дискриминации коренных жителей и православного русскоязычного населения края, писал о ведении антиправославной пропаганды и противодействии переходу лютеран в православие и т.п. Ни одна деталь не ускользала от его внимательного взгляда: на русском или на немецком языке звучало приветственное слово в адрес великого князя, все ли представители местной администрации присутствовали на церемонии встречи и т.п. О «существовании глубокой, укоренившейся и вовсе нежелательной розни» между немецким меньшинством и коренным местным населением говорило, по мнению наблюдательного автора, постоянное отсутствие немецких чиновников во время посещения князем каких-либо мест, знаковых для коренного населения края, таких, к примеру, как сад Латышского общества в Митаве, где городской голова, обязанный присутствовать на приеме, не явился, проявив, таким образом, пренебрежение к латышскому населению города [23]. В пользу усиливающейся германизации края говорило, по словам Случевского, и отсутствие во многих прибалтийских городах русских учебных заведений, что, как утверждал публицист, объяснялось нежеланием местной администрации поддерживать русские школы под предлогом их «ненадобности и бесполезности».

Рассказывая о системе образования в крае, автор неизменно указывал, какое количество часов отводится (и отводится ли вообще) в немецкоязычных школах на изучение русского языка, имеются ли русскоязычные учебные заведения и какие суммы выделяются на их содержание. С болью и досадой Случевский писал о тяжелом положении православного духовенства в Прибалтике, о находящихся в запустении русских храмах, таких, к примеру, как церковь во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Митаве – единственная православная церковь в городе, основанная еще в 1778 г. по повелению Екатерины II: «Очень мала размерами, без купола, без алтарной и боковых входных дверей, без соответствующей утвари, и существует без капитального ремонта; кровля над ней обветшала и дает течь, следы двух пожаров еще имеются на иконостасе и его разновременных иконах, ризница совершенно бедна; колокольный звон невеликой колоколенки едва ли способен донестись до ближайшей улицы и напомнить проходящему о доме

молитвы» [24]. Случевский даже предлагал целый комплекс мер, в том числе упразднение теологического факультета в Дерптском университете и лишение лютеранских пасторов права пользования населенными имениями или же разделение этого права между ними и православными священниками. Меры весьма жесткие, но, по мнению публициста, лишь таким образом можно было «восстановить равновесие между православной и лютеранской церквями края» [25].

Однако не только противодействие со стороны немецкой администрации становилось, по мнению Случевского, причиной столь плачевного положения многих православных святынь в крае и пренебрежительного отношения к русской культуре в целом. Публицист с горечью отмечал, что, в отличие от немцев, которые добросовестно и основательно изучают историю прибалтийского края и стараются сохранить свои обычаи и материальную культуру, проживающие здесь русские не проявляют подобного интереса и весьма равнодушны к тому, что их окружает. «Жить, хотя бы в меньшинстве, в этом оригинальном крае и не ознакомиться с внешними очертаниями предметов, которые не могут не поражать» [26], – с осуждением констатировал Случевский, подчеркивая, что незнание истории своего края составляют одну из слабых сторон русского населения Прибалтики. В этом-то, возможно, и кроется, как он полагает, причина невнимания, а зачастую и откровенного игнорирования немецкой администрацией и католическим духовенством прибалтийского края интересов православных россиян.

Литературные достоинства очерков Случевского, присущая им увлекательность повествования, богатое, красочное и заманчивое содержание в сочетании с проблемным подходом, вниманием к насущным проблемам русского северо-запада и его населения – все это делало их не только занимательным чтением, но и давало читателям «Московских ведомостей» повод для серьезных раздумий и обобщений. Тревога и озабоченность публициста судьбами русского северо-запада, его внимание к интересам местной промышленности и промысловиков-поморов, требование приоритетного внимания к проблемам отечественного производства, критика «онемечивания» прибалтийского края – все это находило продолжение в передовых статьях М.Н. Каткова. Будучи рассчитаны на живой отклик аудитории, очерки Случевского служили яркими иллюстрациями к передовым статьям авторитетного московского журналиста, подтверждали высказанные в них идеи, свидетельствуя, таким образом, об общности взглядов двух литераторов по вопросам внутреннего экономического развития России. Следует подчеркнуть, что и сегодня очерки Случевского могут служить ценным источником

информации для исследователей истории северо-западного региона, однако, к сожалению, лишь немногие авторы обращаются к его публикациям [27].

Сотрудничество писателя в консервативных изданиях Каткова не ограничивалось лишь путевыми очерками. В дни государственных торжеств – двадцатилетний юбилей манифеста 19 февраля 1861 г., коронация императора Александра III в Московском Кремле в 1883 г. и т.д. – в «Московских ведомостях» печатались его патриотические оды. Время от времени в журнале «Русский вестник», издателем которого также был Катков, можно встретить лирические стихотворения Случевского: «Картинка в рамке», «Разбитая шхуна» (1879), «Часы с курантами» (1880), «Песня о потешных», «Памяти моего сына», «Из черноземной полосы» (1883), «Корона патриарха Никона» (1884) и др. Журнал считался едва ли не лучшим отечественным ежемесячником 1860–1880-х гг. по уровню публикуемой беллетристики, и имя Случевского соседствовало в нем с именами Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, А.А. Фета и других знаменитых литераторов, что, несомненно, свидетельствует о талантливости и самобытности его поэзии.

Список источников

1. Гаврилова В.Г. К.К. Случевский в истории русской литературной критики // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2010. Специальный выпуск. С. 118–123.
2. Грачева О.А. Штабс-капитан К.К. Случевский – философ и поэт // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 49–50.
3. Козырева А.Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.
4. Кузнецова Е.В. Поэма К. Случевского «Элоа» в контексте демонологического мифа // Новый филологический вестник. 2016. № 2 (37). С. 61–77.
5. Полякова Г.В. Поморье и поморы в творческом восприятии К.К. Случевского (стихотворный цикл «Мурманские отголоски, очерки «По северу России») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 92–97.
6. Смирнова Л.А. «Противоречия красот и безобразий» в «Песнях из Уголка» К.К. Случевского // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 86–99.
7. Фалеева А.С. Философские мотивы лирических циклов Константина Случевского // Символ науки. 2018. № 10. С. 556–0.
8. Московские ведомости. № 290 от 20.10.1885.
9. Московские ведомости. № 271 от 1.10.1886.
10. Московские ведомости. № 196 от 18.07.1885.
11. Московские ведомости. № 277 от 7.10.1885.
12. Московские ведомости. № 174 от 26.06.1886.

13. Московские ведомости. № 165 от 17.06.1886.
14. Московские ведомости. № 286 от 16.10.1885.
15. Московские ведомости. № 163 от 15.06.1886.
16. Московские ведомости. № 164 от 16.06.1885.
17. Московские ведомости. № 179 от 1.07.1885.
18. Московские ведомости. № 276 от 6.10.1885.
19. Московские ведомости. № 267 от 27.09.1885.
20. Московские ведомости. № 138 от 20.05.1884.
21. Перевалова Е.В. Проблемы Русского Севера на страницах изданий М.Н. Каткова // Журналистский ежегодник. 2017. № 6. С. 43–49.
22. Московские ведомости. № 10 от 10.01.1886.
23. Московские ведомости. № 199 от 21.07.1886.
24. Московские ведомости. № 194 от 16.07.1886.
25. Московские ведомости. № 324 от 23.11.1886.
26. Московские ведомости. № 192 от 14.07.1886.
27. Карпова Н.В. Посещение Псковской губернии великим князем Владимиром Александровичем // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 28. С. 146–152.

References

1. Gavrilova, V.G. (2010) K.K. Sluchevskiy v istorii russkoy literaturnoy kritiki [Konstantin K. Sluchevsky in the history of Russian literary criticism]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. Spetsial'nyy vypusk. pp. 118–123.
2. Gracheva, O.A. (2010) Shtabs-kapitan K.K. Sluchevskiy – filosof i poet [Junior Captain Konstantin K. Sluchevsky – philosopher and poet]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 49–50.
3. Kozyreva, A.Yu. (2003) *Lirika K. Sluchevskogo, filosofskie vozzreniya v sisteme poeticheskogo diskursa: tsikly “Dumy”, “Mefistofel”, “Chernozemnaya polosa”, “Murmanskie otgoloski”* [Lyrics by Konstantin Sluchevsky, philosophical views in the system of poetic discourse: The cycles “Duma”, “Mephistopheles”, “Black Earth Strip”, “Murmansk Echoes”]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Kuznetsova, E.V. (2016) Poema K. Sluchevskogo “Eloa” v kontekste demonologicheskogo mifa [Konstantin Sluchevsky's poem “Eloa” in the context of the demonological myth]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2(37). pp. 61–77.
5. Polyakova, G.V. (2010) Pomor'e i pomory v tvorchestvom vospriyatii K.K. Sluchevskogo (stikhotvornyy tsikl “Murmanskie otgoloski”, ocherki “Po severu Rossii”) [Pomorje and the Pomors in the creative perception of Konstantin Sluchevsky (a verse cycle “Murmansk Echoes”, Essays “In the North of Russia”)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 92–97.
6. Smirnova, L.A. (2005) “Protivorechiya krasoty i bezobraziy” v “Pesnyakh iz ugolka” K.K. Sluchevskogo [“Contradictions of beauty and ugliness” in “Songs from the Corner” by Konstantin Sluchevsky]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 19. pp. 86–99.
7. Faleeva, A.S. (2018) Filosofskie motivy liricheskikh tsiklov Konstantina Sluchevskogo [Philosophical motives of the lyrical cycles of Konstantin Sluchevsky]. *Simvol nauki*. 10.

8. *Moskovskie vedomosti*. (1885a) 20th October.
9. *Moskovskie vedomosti*. (1886a) 1st October.
10. *Moskovskie vedomosti*. (1885b) 18th July.
11. *Moskovskie vedomosti*. (1885c) 7th October.
12. *Moskovskie vedomosti*. (1886b) 26th June.
13. *Moskovskie vedomosti*. (1886c) 17th June.
14. *Moskovskie vedomosti*. (1885d) 16th October.
15. *Moskovskie vedomosti*. (1886d) 15th June.
16. *Moskovskie vedomosti*. (1885e) 16th June.
17. *Moskovskie vedomosti*. (1885f) 1st July.
18. *Moskovskie vedomosti*. (1885g) 6th October.
19. *Moskovskie vedomosti*. (1885h) 27th September.
20. *Moskovskie vedomosti*. (1884) 20th May.
21. Perevalova, E.V. (2017) Problemy Russkogo Severa na stranitsakh izdaniy M.N. Katkova [Problems of the Russian North in Mikhail N. Katkov's periodicals]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*. 6. pp. 43–49.
22. *Moskovskie vedomosti*. (1886e) 10th January.
23. *Moskovskie vedomosti*. (1886f) 21th July.
24. *Moskovskie vedomosti*. (1886g) 16th July.
25. *Moskovskie vedomosti*. (1886h) 23rd November.
26. *Moskovskie vedomosti*. (1886i) 14th July.
27. Karpova, N.V. (2008) Poseshchenie Pskovskoy gubernii velikim knyazem Vladimirom Aleksandrovichem [Visit to the Pskov province by Grand Duke Vladimir Aleksandrovich]. *Pskov. Nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal*. 28. pp. 146–152.

Информация об авторе:

Перевалова Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненашева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), docent, head of the Journalism and Mass Communications Department, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.02.2022;
одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 13.06.2023*

*The article was submitted 02.02.2022;
approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 13.06.2023*